

В НАСТУПЛЕНИИ

*Эстрадный
сборник*

ИСКУССТВО

В НАСТУПЛЕНИИ

**СБОРНИК СТИХОВ И РАССКАЗОВ
ДЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ЭСТРАДЫ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„Искусство“

Москва 1944 Ленинград

СОСТАВЛЕН РЕПЕРТУАРНЫМ КАБИНЕТОМ
ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА

Редактор *С. Коляджин*. Музыкальный редактор *М. Иорданский*

А-10969. Подписано к печати 18/IX 1944 г. „Искусство“ № 2305. Печ. лист. 2³/₈.

Уч.-изд. л. 3,58. В 1 печ. л. 61 537 зн. Тираж 5000. Заказ № 1290.

Цена 5 руб.

Тип. „Красный печатник“ Гос. изд-ва „Искусство“, Москва, ул. 25 Октября, 5

НИК. ШПАНОВ, ЛЕВ РУБИНШТЕЙН

Б У Т Ы Л К А Р О М А

Д Е Й С Т В У Ю Т:

Щепотьев — боцман советского парохода «Узбекистан».
Карл Швальбе, известный под именем Генри Крукса, — ко-
миссионер пароходной компании.
Реджи Конолли — матрос эсминца «Арбалет».
Тим — бродяга.
Инспектор полиции.
Ордадь — журналист.
Мадам Марион — хозяйка кафе «Отдай якорь».
Тилли — по прозвищу «королева танцев».

Матросы, девушки, музыканты.

Кафе «Отдай якорь». Слева стойка, уставленная бутылками. За ней мадам Марион — седая дама в белом переднике, весьма почтенной наружности — сбивает коктейль. Справа столики, за ними несколько моряков. В глубине зала эстрада, на ней играет трио — саксофон, ударник и скрипка. В полутемном углу сидит журналист Ордадь, невозмутимый человек в крахмальном воротничке. Он сосет коктейль через соломинку. При поднятии занавеса на эстраде раскланивается Тилли, гибкая девушка с румянцем во всю щеку. Входит Тим — сухопутный моряк, юдетый с претензией на роскошь, но обтрепанный до последней степени. На шее у него вместо галстука болтается что-то вроде салфетки. Вид у него довольно жалкий. Он садится на высокий стул возле стойки. Пауза.

Мадам. Опять выгнали?

Тим. Видите ли, дорогая мадам, я не сговорился насчет кор-
мешки. В контракте написано: «Завтрак мясной». Юказы-
вается, под мясным завтраком они имеют в виду американ-
ские консервы. На это я не могу пойти! Человек моего поло-
жения...

Мадам. Понимаю. Выгнали...

Тим (с о в з д о х о м). Выгнали.

Мадам. Хочется пить?

Тим. Откройте мне секрет — каким образом вы угадываете чужие мысли?

Мадам. Рюмку охотничьего пунша получишь.

Тим. Дорогая, нельзя ли «Кларет-Коблер»? Человеку моего положения...

Мадам (наливает рюмку). Получай и проваливай. Что у тебя на шее?

Тим. Галстук.

Мадам. По-моему, это салфетка из соседнего кафе, а? Не вздумай украшать свой туалет за мой счет. Пошел!

Тим берет рюмку и, понурившись, присоединяется к группе моряков. Входит Генри Крукс — среднего роста, упитанный мужчина в очках, в наглухо застегнутой полувоенной куртке. В руках у него портфель, фуражка сбита на затылок.

Он садится на высокий стул против мадам Марион.

За сценой долгий пароходный гудок.

Генри. Какой час?

Мадам. Без четверти шесть.

Генри. Все в порядке?

Мадам. Все в порядке.

Генри. Что это за фигура в углу?

Мадам. Это Ордааль, журналист. Пишет о флоте для каких-то мелких газет.

Генри. Что он здесь делает?

Мадам. Собирает материал, я думаю. Я же сказала — все в порядке. «Сухой Мартини»? «Кларет-Коблер»?

Генри. «Кларет», прошу вас. Есть срочное дело.

Мадам оглядывает кафе и кивает головой джазу. Трио начинает играть какой-то бурный рег-тайм.

Мадам. У вас всегда срочное дело.

Генри. А сегодня особенно срочное. (Достает из портфеля пузатую бутылку с наклейкой и передает мадам.)

Мадам. Ямайский ром. Понимаю — добавить в коктейль.

Генри. Боже сохрани! Какой час?

Мадам. Я уже сказала — без четверти шесть.

Генри. В двенадцать она взорвется.

Мадам. Кто?

Генри. Бутылка.

Мадам смотрит на Генри, на бутылку и оставляет ее в сторону.

«Узбекистан» уходит в девять.

Мадам. Советский пароход?

Генри. В нем все дело. Бутылка должна быть у него на борту.

Мадам. Вы сошли с ума, Крукс. Об этом надо было предупредить вчера или третьего дня.

Генри. Ах, надо было предупредить до начала войны! В нашем деле не бывает «надо было». Задание получено, его нужно выполнить. Я полдня торчу у сходней «Узбекистана». Ни черта не вышло. Советские смотрят в оба.

Мадам. Что они пружят?

Генри. Детали для танков.

Мадам. Нользя ли протаячить бутылку с пружом?

Генри. При контроле. Молодцы сменяются каждый день. Никаких надежд.

Мадам (пожимая плечами). Очень трудное дело, Крукс.

Генри. Одно надо его сделать.

Мадам (после небольшой паузы, небрежно). Оставьте бутылку.

Генри. Вы что-нибудь придумали?

Мадам (с усмешкой). Крукс, я занималась этим делом девять лет. Что-нибудь я да сделала.

Генри. Что именно?

Мадам. Без вопросов, Крукс. Наши отношения основаны на доверии.

Генри (качает головой). Хорошо, я посмотрю. У вас легкая рука. Я надеюсь на вашу руку, старуха.

Мадам. Уходите.

Генри. Еще один вопрос: вы верите в Бога?

Мадам. Иногда.

Генри. Упаси вас господь вскрыть бутылку. Как только вы вытащите пробку, бутылка взорвется. Вы поняли?

Мадам. Хитрая штука.

Генри. Да, вам такую не придумать.

Мадам. Прошу вас, не привлекайте к нам внимания. Идите.

Крукс берет коктейль и садится за дальний столик. Мадам жестом подзывает к себе танцовщицу Тилли и что-то шепчет ей на ухо. Тилли покорно ютливается на эстраду. Танец — чечетка. Ордадь в своем углу отбивает ритм пальцами по столу. Входит Щепотьев — боцман с советского парохода «Узбекистан», парень лет 25. Он подходит к стойке. В руках у него чемоданчик.

Щепотьев. Добрый вечер! (Оглядывается кафе, внимательно смотрит на Крукса.)

Мадам. Хэлло, русский боцман! «Сухой Мартини»? «Кларет-Коблер»? Абсент? Вермут? (Замечив пристальный взгляд боцмана, устремленный на Крукса.) Это ваш знакомый?

Щепотьев. Нет, к сожалению, у меня здесь нет знакомых. Что-нибудь приятное в дарсупу, мадам.

Мадам. Сентябрьская погода, боцман! Виски «Белая лошадь» или «Тройная шотландская» — как раз по сезону. А?

Щепотьев. Определенно, не пью виски. А это что? (Указывает на бутылку.)

Мадам (как бы спохватившись). Убей меня бог! Как я забыла! Натуральный ямайский ром! Последняя бутылка из довоенного запаса.

Щепотьев (нерешительно). Вы советуете?

Мадам (величественно). Я никогда не настаиваю, русский боцман. Это дело вкуса, русский боцман. Джин?

Мексиканская водка? (Переворачивает бутылки.) Наконец, пиротер?

Щепотьев (смотрит на Кружеса). Определенно! Дайте-ка мне эту бутылку.

Мадам. Двенадцать шиллингов два пенса.

Щепотьев. Ясно, как день... (Расплачивается.)

Мадам. Доставить или возьмете с собой?

Щепотьев. Возьму с собой. (Кладет бутылку в sack-во ящик.) Будьте любезны, один раз «Сухой Мартини». (Смотрит на Кружеса.) Определенно, выпью здесь.

Мадам (сбивает коктейль). Какой вы рассеянный... Сегодня опозаливаете?

Щепотьев. Да, в девять часов, точно.

Мадам. Что привезито? Консервы, как всегда?

Щепотьев. Как всегда, мадам.

Мадам (улыбается). Передайте привет вашим. Я тоже читала газеты. Я в восторге, боцман. С немцами пора закончить. А?

Щепотьев. Мы это и делаем ежедневно.

Тилли кончила свой номер, идет меж столиков, встречается с Тимом.

Тилли. Разве ты не подписал контракт, Тим?

Тим (уныло). Нет, дорогая, я опять не сговорился насчет кормежки. Видишь ли, дорогая, в контракте написано: «Завтрак мясной». Оказывается, дорогая, под мясным завтраком они имеют в виду американские консервы. Ты сама понимаешь, дорогая, человеку моего положения...

Тилли. Выгнали?

Тим (с вздохом). Выгнали.

Тилли. А я-то думала, что ты угостишь меня на прощанье.

Тим. Да, торговский обидно вышло. Но, клянусь тебе, дорогая, в следующий раз...

Тилли. Ты говоришь это уже пять лет. Ты обещал мне

взаимы четыре серебряных доллара в 1937 году. Я хотела сшить себе платье салатного цвета с золотой обшивкой.

Тим. Терпенье, Тилли, терпенье. Война, дорогая. Конъюнктура повышается. Клянусь, что у тебя будет платье салатного цвета с золотой обшивкой.

Тилли. Ты — странный человек. Теперь мне уже не нужно платье салатного цвета, потому что я в августе перекрасила волосы.

Тим. Клянусь тебе, Тилли...

Тилли. Ну, угости меня хотя бы стаканчиком рома.

Тим. Видишь ли, дорогая, человеку моего положения...

Тилли. Понимало. Ник гроша в кармане?

Тим. По правде сказать, дорогая...

Тилли. Дать тебе взаимы доллар?

Тим (гордо). Человек моего положения не берет взаимы у женщин.

Тилли. Бедный Тим... (Качает головой и отходит к стойке.)

Тим (внимательно оглядывает стойку и замечает салюояж Щепотьева, отставленный в сторону). Гм... Нет, Тим, ты этого не сделаешь. (Отворачивается.) Обокрасть русского моряка? Нет, это было бы отвратительно. (Снова глядит на чемодан и делает шаг к нему.) В будущую осеннюю погоду русский моряк сменится с вахты и вскроет бутылку в своей каюте... (Еще шаг по направлению к чемодану.) Нет, Тим, ты этого, конечно, не сделаешь... (Еще шаг.) Гм... «Королева танцов» хочет рома... отказывать «королеве» недостойно порядочного человека... (Еще шаг.) Да, я прежде всего порядочный человек. (Еще шаг. Оглядывается по сторонам; никто на него не смотрит.) И я поступлю, как порядочный человек... (Профессиональным жестом вытаскивает бутылку из чемодана.) Да, я поступлю, как порядочный человек! (Засо-

выдает бутылку под пиджак и отходит в сторону.) Хэлло, Тилли!

Тилли. Да. (Подходит к нему.)

Тим. Ты, кажется, говорила что-то насчет рома?

Тилли (смеется). Скажи прямо, одолжишь тебе доллар?

Тим показывает ей бутылку.

О! Ямайский ром! Каким образом?

Тим. Я нашел его.

Тилли. В кармане?

Тим (нехотя). Нет... в чемодане.

Тилли. В твоём чемодане?

Тим. Видишь ли, дорогая, я не признаю этих условностей — «мой чемодан», «его чемодан»... Для человека моего положения...

Тилли (испытующе смотрит на чемодан Щепотьева и на Тима). Положи его обратно!

Тим. Дорогая королева, это не в моих правилах.

Тилли. Положи его в чемодан.

Тим. Ты знаешь, как все королевы. Это технически невозможно.

Тилли. А если он пригласит меня танцевать?

Тим. С какой стати он станет тебя приглашать? Он не танцует.

Тилли. Со мной все танцуют: я — королева танцев. Слышишь, Тим?

Тим (созвездочкам). Слушало, ваше величество. (Отходит к стойке.)

Тилли кивает юркестру. Трио начинает играть. Тилли кладет руку на плечо Щепотьеву. Тилли и Щепотьев танцуют.

(Грустно.) Никогда в жизни мне не приходилось возвращать взятую вещь... Ах, Тилли — девочка капризная, как все королевы... (Кладет бутылку в чемодан.)

Генри следит за Тимом. Тилли кивает Тиму из-за плеча Щепотьева. Танец окончился.

Щепотьев (целует руку Тилли). Вы замечательно танцуете.

Тилли. Еще бы! В тридцать седьмом году я танцевала срок шесть часов и двадцать две минуты подряд. В следующем году я танцевала семьдесят три часа и тридцать семь минут. Я два раза получала звание «королевы танцев» этого города.

Щепотьев. Вы не устали так много танцевать?

Тилли. Это мой хлеб.

Щепотьев. Нелегкий хлеб!

Тилли. О, господин боцман, все дело в партнере. Вы были бы совсем хорошим партнером, если бы у вас не торчало из кармана что-то вроде бутылки. Впрочем, не сердитесь на меня, мне везде мерещатся бутылки.

Щепотьев (смущенный). Это вам показалось. Видите ли...

Генри. Тилли, сюда!

Тилли подходит к Круксу.

Что там проделывал этот бродяга с ямайским ромом?

Тилли (несколько боязливо). Крукс, это был сущий пустяк. Я ему сказала...

Генри. Я все видел. Не смей прикасаться к этой бутылке.

Тилли. Какое тебе дело до чужих бутылок?

Генри. Ты слышишь, что я сказал?

Тилли. Не смотри на меня так, я боюсь...

Генри. Чтобы ты не мешала этому русскому моряку вернуться на свое судно. И чтобы он не раскрывал свой чемодан, пока не будет на борту. Ты — женщина, тебе это нетрудно. Не так ли?

Тилли. Я не понимаю, почему ты так интересуешься какой-то там бутылкой рома?

Генри. Потому что я ее принес сюда. Поняла? Что с тобой?

Тилли. Ничего, Генри, я ничего не понимаю в твоих делах. Но я боюсь...

Генри. Чего ты боишься?

Тилли. Я боюсь тебя и твоих бутылок.

Генри. И дадено?

Тилли. С тех пор, как «Мария Глория» взорвалась возле Бичи Хэда.

Генри (с ш о к о й н ю). Девочка, ты гораздо умнее, чем кажешься. Если ты скажешь об этом кому-нибудь хоть слово, ты не проживешь и трех часов. Подумай об этом на досуге.

Тилли. Генри!..

Генри. Ты, кажется, начинаешь рассуждать? Ты, правда, королева, но всего-навсего «королева танцов». Не забывай об этом. Позови мне сюда мадам Марион.

Мадам Марион торжественно покидает стойку и подходит к столу Генри. Шепотом, оставшись один у стойки, возится с чемоданом, обернувшись спиной к зрителю.

Надо кончать. Русский не должен здесь задерживаться. И уберите к черту этого идиота Тима. Он едва не испортил все дело. Нехватало только, чтобы он вздумал распить этот ром здесь. От вашего кабака осталось бы одно воспоминание.

Мадам. Честное слово, Крукс, я не узнаю вас. Вы, кажется, нервничаете на работе.

Генри. Я требую!

Мадам. Терпеть не могу, когда мужчины требуют. (В о з в р а щ а е т с я к с т о й к е.)

Тилли остается с Тимом.

Тилли. О, Тим, дружок, как я была глупа!

Тим. Ты никогда не была глупа.

Тилли. Нет, Тим, не надо было возвращать эту бутылку в чемодан.

Тим. Это верно. Ты была глупа. Что правда, то правда.

Тилли. Тим, дружок, ты не можешь украсть ее еще раз?

Тим (в о з м у щ е н н о). Я никогда не краду одну и ту же вещь дважды.

Тилли. Боже мой, Тим, что же делать?

Тим. Попроси русского, чтобы он угостил тебя ромом. А меня позови для компании. Это проще, чем плынуть.

Тилли (вздрагивает). Сохрани господи... Этот русский не должен уходить из кафе.

Тим. Честное слово, ты самая вежливая из всех королев.

Щепотьев подходит к Тилли.

Щепотьев. Мне пора. Надеюсь, еще встретимся с вами?

Тилли. Вы надеетесь? Я не очень.

Щепотьев. Определенно, мы будем здесь через два месяца.

Тилли. Никогда не загадывайте вперед. Послушайте... Не уходите. У вас есть время? Я хотела бы, чтобы вы посмотрели, как я исполняю новый номер. Это занимает пять минут. Боже мой, всего пять минут.

Щепотьев (улыбаясь). Ради вас... (Смотрит на часы.) Пять минут? Ох, так и быть, это ясно.

Тилли. Умоляю вас. (Бежит к эстраде.)

Музыка. Тилли танцует, отбивая такт кастаньетами. Аплодисменты.

(Возвращается с эстрады.) Ну, как?

Щепотьев. Чудно! Большое спасибо. Это класс! (Смотрит на часы.) Мне пора. Меня ждут.

Тилли. О, не уходите!

Щепотьев. Ничего не поделаешь, голубушка. Отпуск, знаете ли, кончается. Что с вами?

Тилли. Кажется, мне дурно... (Оглядывается на Генри и падает в обморок.)

Щепотьев и Тим подхватывают ее.

Щепотьев. Что значит танцевать без отдыха! Воды! Мадам, живо!

Переполох в кафе.

Тилли (медленно приходит в себя). Это, кажется, продолжалось не меньше часа?

Тим. О! Всего минуточку, Тилли!

Тилли. Так мало?

Тим пожимает плечами.

Щепотьев. Вам надо выпить чего-нибудь крепкого, Тилли, вы совсем бледная. (Спихватившись.) Да ведь у меня же есть ром! (Достает бутылку из чемодана.)

Генри пристально глядит на него.

Мадам, прошу вас, стаканы и штопор!

Мадам (невозмутимо цедит). Нет, боцман, ром не годится. Я дам ей джинна. Не беспокойтесь за нее. С ней это бывает. Вы спешили на корабль. Она придет в себя. В военное время быстро изнашиваются нервы. Вы, кажется, спешили на корабль?

Щепотьев. Да, мне надо идти. Прощайте. Извините меня, Тилли. (Делает шаг к двери.) Увидимся в ноябре, определенно.

Мадам. Вы забыли бутылку.

Щепотьев. Я оставлю ее для Тилли.

Мадам. Не стоит. С нее, хватит джинна.

Щепотьев. Позвольте мне оставить этот ром в подарок «королеве танцев». (Направляется к двери.)

Мадам (тихо, Тилли). Заставь его взять бутылку. Генри смотрит на тебя. Ты покажешь об этом.

Тилли (слабо). Боцман! Прошу вас... (Плачет.)

Мадам (смеясь). Однако девочка не хочет вас отпускать, русский боцман, — дело серьезнее, чем я думала. Возьмите ее на корабль. А?

Щепотьев. Никак невозможно, а то бы с удовольствием... (Кладет бутылку в чемодан.) Я уверен, что мы еще встретимся, Тилли. Не грустите. Прощайте. (Направляется к двери.)

В то время, как Щепотьев берется за ручку двери, дверь распахивается, и в кафе врывается матрос корабля «Арбалет» Ред-

жи Конолли — рослый богатырь в фуражке, надетой набе-
кренъ. Подмышкой у него банджо.

Реджи. Хэлло, здорово, мальчик! Найдется местечко для
матроса его величества?

Тим. Потихше ты, лимонщик! Разве не видишь — тут нечто
вроде лазарета для нервных дамочек.

Реджи. Что за чорт! Всюду полно знакомых! Привет, ма-
дам! Хэлло, Генри! Откуда ты взялся? Последний раз я
видел тебя на набережной в Нью-Йорке.

Генри (кисло). Да, кажется, на набережной.

Реджи. Постой-ка, не будь я королевский моряк. Это было
чуть ли не погружке «Марии Глории»?

Генри. Возможно, возможно... Извини меня, Реджи, я ду-
мал, что ты утонул.

Реджи. Кто утонул? Я утонул? Бумажная крыса! Это ты
утонул в своих накладных, фактурах и приходо-расходных
ведомостях. Чтoб матрос его величества утонул при такой
дешевой ерунде, как потопление дрянного транспорта, пере-
оборудованного из каботажной жалости! Ты ребенок! Наш
«Арбалет» конвоировал ее до Белфаста и довел бы ее до
Лондона, если бы не... Одним словом, если бы не дурная
примета...

Генри. Какая там еще примета?

Реджи. Об этом я скажу потом. Мы погнались за чорто-
вым немецким тефрископом и потопили его на траверзе
Сент-Килыда. Дорого им обошлась «Мария Глория». (За ме-
чает Щепотьева.) Ага! Еще один знакомый, хотя, ви-
дит бог, я не могу произнести вашу фамилию... Добрый ве-
чер, русский товарищ! В последний раз мы виделись нето
в Порт-Саиде, нето в Мурманске.

Щепотьев. Может быть, и в Порт-Саиде и в Мурманске.
(Пожимает ему руку.) И до того еще в шести местах.
Ты все так же много работаешь языком и банджо?

Реджи. О, сэр, эта штука мне заменяет душу. Вам хоро-
шо, вы слышите дружную музыку. А я должен выражать

мои чувства при помощи этих четырех струн и своей глотки. Я должен плавать между Рио и Портсмутом и читать про Красную Армию в газетах. Не будь я королевский моряк, если я не предпочел бы хорошего рейда по курсу Лондон — Гамбург!

Щепотьев. Вы еще побываете там, Реджи, не прустите.

Реджи. Вам доводилось видеть гитлеровцев близко?

Щепотьев. А вы разве не видели их на море?

Реджи. Понимаете, они обычно тонут прежде, чем наводчику удастся разглядеть их поверх придела. Как вы думаете, мы с вами могли бы справиться с двумя штурмовиками?

Щепотьев. Наверняка, приятель.

Мадам. Это не так просто, как вам кажется.

Щепотьев. Но и не так страшно, как вам кажется, мадам.

Реджи. Они сматываются от вас. А, дружище?

Щепотьев. Вернее, мы их сматываем.

Реджи. Вы знаете, что мне больше всего нравится во всех вас, русских? Уверенность в завтрашнем дне.

Щепотьев. А вы сомневаетесь, Реджи?

Реджи. По секрету скажу вам, у вас когда-нибудь чешутся руки? О! Свести счеты с этими мерзавцами в коричневых рубашках! Хороший бой на короткой дистанции. А? Вот так — хук левой в челюсть, затем свинг и, наконец, нок-аут! (Размахивается и едва не попадает в Тима.) А, ты все еще здесь, сын набережной?

Тим. Реджи, опять не согласился на кормежку.

Реджи. Выгнали? Неважно обмундирован, приятель.

Тим. Все-таки кое-что на мне есть.

Реджи. Пить хочешь зверски? Не ломай комедию.

Тим. Реджи, дорогой, открой мне секрет, как ты угадываешь чужие мысли?

Реджи. Садись, сынок, садитесь, русский товарищ, извините, ваша фамилия...

Щепотьев. Щепотьев.

Реджи. Этого нельзя выговорить. Садись и ты, Генри! (Оглядываясь, приветствует.) А, «королева танцев»! Ты спать стала на под молоко! А это что за фигура в углу? (Кивает головой в сторону Ордала.)

Тилли. Какой-то газетчик, пишет о флоте в вечерних газетах.

Реджи. Выбрав подходящее место для наблюдений.

Тим. Я думаю, он тоже не исговорился насчет завтрака, голубчик Реджи. Я его вижу здесь каждый день.

Реджи. Почему вы не садитесь, боцман?

Щепотьев. Окровавленно говоря, у меня не осталось времени. «Узбекистан» отваливает в девять точно.

Реджи. Выпьем, русский товарищ! Джин? Виски сода? Мадам Марисн, прощу вас — комплект.

Щепотьев. А ведь у меня-то старый ямайский ром.

Реджи. Великолепно! (Тиму.) Сынок, что с тобой? Тебя энсбит?

Тим. Нет, дорогой, просто я поправляю галстук.

Реджи. Это разве галстук?

Тим. А что это по-твоему — корабельный вымпел?

Реджи. Нет, мне издали показалось, что это детская слюнявка. (Поспешно.) Нет, нет, Тим, конечно, конечно, галстук! Я только сейчас его разглядел. Тут даже есть какал-то мелка! (Рассматривает.) «Кафе Континенталь».

Тим (испуганно). Что ты говоришь? Неужели видно? (Поправляет повязку.)

Реджи. Послушайте, мадам Марисн, нельзя ли вскрыть эту бутылку?.. (Видя замешательство мадам.) О, тысячи извинений! В море, знаете ли, отвыкаешь от обращения с дамами. Штопор, мадам! Благодарю вас... (Возится со штопором, роняет банджо.)

Генри (поднимает банджо, живо). Строго говоря, Реджи, перед тем, как выпить, надо испеть.

Реджи. Я обычно делаю наоборот.

Тим. Я тоже.

Генри. Таковы старинные обычаи королевского флота. Впрочем, нынешняя молодежь...

Реджи. Про обычаи вы читали в романах? Или вы видели их в кино?

Щепотьев. Он прав. Вы когда-то хорошо пели, Реджи.

Реджи. Я и мое бардство не стареем. Что спеть?

Генри. «Бедняжка Анни-Лори».

Реджи. Нет, это старо. Хорошо. Вот вам песня. Слова и музыка мои. (Поет.)

Ему бурно хлопают.

Ага, здесь есть еще настоящие военные моряки. Дети, не беспокойтесь, мы еще будем драться, как наши дедушки. Можно наливать?

Тим хватает бутылку и штопор.

Слушай, Тим...

Тим. В чем дело, дорогой?

Реджи. Ты когда-нибудь моешь руки?

Тим (гордо). Я мою их каждый вторник, сэр.

Реджи. Гм... сегодня среда... не может быть, чтобы ты их вчера мыл.

Тим. Последний вторник я пропустил, потому что сидел в полиции.

Реджи. За что?

Тим. О, это недоразумение. Слово порядочного человека! Но мне каким-то образом попал ящик ателъсиннов с шаланды.

Реджи. Спар? Не ломай комедию.

Тим. О, дорогой, посмотри на меня! Разве человека моего положения можно принять за вора?

Реджи (критически). Но и за святого мученика ты тоже не сойдешь. Кружк, вскройте бутылку. Раз, два!

Генри. Спойте еще что-нибудь, Реджи.

Реджи. Ну, мой друг, хватит: здесь не музыкальный театр.

Тим. Что вы скажете, Кружк? У вас нет опыта по этой части? Это очень просто. (Хватает бутылку.) Вы бе-

рете шпотор в правую руку, а бутылку — в левую. Затем вы вонзаете шпотор в пробку... Что с вами, 'боцман?

Щепотьев (мечтательно, глядя на Круаса). Стоит ли ее вскрывать?

Тим. Дорогие детки! Пожалуй, мы лучше выпьем молочка? Закусим манной кашкой?

Щепотьев. Вы меня не поняли, друзья. На вахте в военное время нужны ясные мысли.

Тим. Ничего ясного быть не может. Вам жалко? Фу! Я устал...

Реджи. Без глупостей, Тим... (Щепотьеву.) Мы же сейчас не на вахте, 'боцман?

Щепотьев. У нас всегда вахта, друзья.

Реджи. Отчасти он прав: «Узбекистан» уходит через час. Жаль, что не удалось смочить ваш уход. Когда мы увидимся в следующий раз?

Щепотьев. Надеюсь, что скоро, Реджи. Где-нибудь в Порт-Саиде или Мурманске. Надеюсь, что к тому же времени мы кончим войну. Тогда, пожалуй, и я вам спою.

Реджи. Спойте сейчас. Чертовски люблю русские песни. Спойте про красивую девушку, которую мы встретили на улице в дурную погоду. Как это называется?

Щепотьев. «Вдоль по улице метелица метет...» Нет, друзья, я спою про другую девушку. (Поет.)

Реджи. Хорошая песня. Да, друг мой, настанет день, когда мы возьмем друг другу руки...

Щепотьев. На свободной земле, старик, на свободной земле.

Тим. Правильно. Итак, начнем — и дело с концом.

Щепотьев (улыбаясь). Пейте, я не буду. Мне просто приятно посидеть в хорошей компании.

Тим протягивает руку к бутылке, Генри хватается его за руку.

Генри. Оставьте! Спойте еще что-нибудь.

Тим. Тыфу! Четверо мужчин танцуют вокруг одной бутылки! Словно в ней не ямайский ром, а динамит.

Щепотьев (вдруг разражается хохотом). Дайте я ее отпрою. В самом деле, отчего бы не выпить?

Мадам. Стойте! Крукс, прошу вас на пару слов.

Генри отходит к стойке.

Генри (гневно). Делайте, что хотите, с этими дураками. Я уйду.

Мадам. Вы хотите, чтобы мы взлетели на воздух?

Генри. Хоть прямо в рай. Моя голова стоит дороже, чем весь этот кабак. Я уйду. Действуйте по своему усмотрению.

Мадам. Вы этого не сделаете, — это подло.

Генри. В нашем деле, мадам Марион, не бывает добра и зла. Бывает успех и неуспех. На этот раз я проиграл. Жалею, что мы с вами больше не увидимся. (Возвращается к столику. Щепотьеву.) Меня вызывают в контору. Жалею, мы с вами больше не увидимся.

Щепотьев. А я, наоборот, надеюсь еще с вами познакомиться. Мы, определенно, еще будем здесь в ноябре.

Генри (саркастически). Мне будет очень приятно услышать ваши воспоминания.

Реджи. Какого чорта тебе делать ночью в конторе? Сиди здесь.

Генри. Дело есть дело. Не могу.

Реджи. Я прошу тебя, останься.

Генри. Не могу, я сказал — не могу.

Реджи. Ты однообразен, как церковный колокол. (Генри, делаящему шаг к двери.) Стой! Я не хочу, чтобы ты присутствовал при отправке «Узбекистана».

Генри. Что за чушь ты несешь?

Реджи. Примета.

Генри. Ты еще не пил, а уже пьян.

Реджи. Мне рассказывали один забавный случай... Про «Марию Глорию».

Генри. Про «Марию Глорию»?

Реджи. Сядь.

Генри. Но... (Покорно садится.)

Реджи. От «Марии Глории» уцелел один человек — жок. Он говорил мне: перед тем как они убрали сходы в Порто-Белло, на берегу стоял человек, которого никто не знал. Как только дали гудок, он исчез, словно в воду канул.

Генри. Мне пора...

Реджи. Через шесть часов от «Марии Глории» ничего не осталось. Когда «Бараллонг» отваливал из Квебека, на берегу видели того же человека. Понимаешь?

Генри. Ничего не понимаю.

Реджи. Тим, не понимаешь?

Тим. «Бараллонг» пошел ко дну где-то возле мыса Братон ровно через шесть часов после отплытия.

Реджи. Правильно. Когда «Камерония» уходила из Буэнос-Айреса, этого человека видели на берегу. Тим, где «Камерония»?

Тим. Через шесть часов взорвалась возле острова Рождества.

Реджи. Правильно? Теперь все понятно?

Щепотьев. Выходит, что он появляется всегда за шесть часов до гибели корабля?

Реджи. Правильно.

Генри. Я одного не понимаю: какое мне дело до этого человека?

Реджи. Он чертовски похож на тебя, Генри. Чертовски похож.

Генри. Чувшь!

Реджи. Все равно, я прошу тебя, не стой возле «Узбекистана». Дай ему уйти спокойно. Это важно для всех нас.

Щепотьев. Думало, что «Узбекистан» и так дойдет, куда ему полагается. Все ясно, как воздух.

Тилли. Вы уверены?

Щепотьев. А вы разве не уверены?

Тилли. О, я... верю в привидения. Особенно, когда они похожи на этого... Крукса.

Щепотьев. Э, пустяковщина! Давайте лучше разоньем эту бутылочку. (Берет бутылку и штопор.)

В этот момент молчаливый Ордадь поднимается из своего угла и хватается Щепотьева за руку.

Ордадь. Остановитесь, русский моряк.

Генри (то с клиею). Прощайте, я спаздываю. (Бросается к выходу.)

Ордадь (Реджи). Не выпускайте этого человека из кафе.

Реджи становится в дверях.

Генри. Это еще что за привидение?

Реджи. Боюсь, что на этот раз оно пустит ко дну тебя самого.

Ордадь (Щепотьеву). Немедленно бросьте штопор. Не раздумывайте. Я знаю, что говорю.

Щепотьев ставит бутылку на стол.

Мадам Марион, вас не затруднит открыть дверь?

Генри бросается стремительно к двери. Там хватает его сзади, но, получив удар, откатывается в угол.

Генри. Пусти!

Реджи. На место, приятель! Не будь я королевский моряк!

Генри (с яростью). Я уйду!

Реджи. Не уйдешь!

Генри. Уйду!

Реджи. Не уйдешь!

Генри выхватывает револьвер. Щепотьев хватает его за руку. Выстрел. Пуля летит в потолок.

Реджи. Умоляю! Оставьте его для меня! (Увеселительным ударом опровергает Генри на пол.) Наконец-то! Наконец, я приложил руку к морде живого гитлеровца. Спасибо, русский товарищ!

Тим. А я хотел пить с этим вонючим немцем за одним столом.

Ордадь свистит. В дверях появляется инспектор с двумя полицейскими.

Ордадь. Инспектор, арестуйте этого человека.

Генри медленно поднимается с пола.

Инспектор. Именем закона арестую вас по обвинению в диверсантской работе против кораблей торгового флота. (Надевает наручники на Генри.)

Пауза.

Генри. Это провокация.

Ордадь. Инспектор, возьмите эту бутылку и немедленно передайте в лабораторию. Ее надо разрядить до трех часов ночи, иначе она взорвется. Это — адская машина новейшего немецкого производства. Она взрывается в определенный час, обычно через шесть часов после отправки судна. Но она может взорваться и в любое время, если вытащить пробку. Будьте осторожны. Потом вы приобщите бутылку к делу. Это — вещественное доказательство.

Реджи. Какой мерзавец этот Крукс!

Ордадь. Он вовсе не Крукс, он — Швальбе, Карл-Йоганн Швальбе, можете познакомиться. Против него множество улик. Поглядите на него: это он потопил «Марию Тлорию». Это он потопил «Камеронию». Это он потопил «Бараллонг». Это он потопил еще шесть британских судов разного тоннажа. Остальное вы прочтете в моих воспоминаниях после войны. Инспектор, исполняйте ваши обязанности. Прошу прощения, господа и дамы, я кончил. (Садится в угол в

прежнюю позу и продолжает сосать коктейль через соломинку.)

Генри. Все это ложь! Снимите наручники.

Щепотьев. Не верю я, определенно, в таинственные истории. Эх-ма, была не была! (Берет со стола бутылку.)

Тилли (кричит). Это — смерть!

Мадам (из-за стойки). Ложитесь! (Исчезает из комнаты.)

Щепотьев вскрывает бутылку. Долгая пауза. Тишина. Всеобщее изумление.

Тим (наливает и выпивает). За ваше здоровье, дорогие... (Наливает и выпивает.) Если бы не русский боссман, то ром выпила бы полиция. (Наливает и выпивает.)

Реджи. А ты не боишься, что эта штука взорвется у тебя в животе?

Тим. Если динамит всегда имеет такой вкус, я готов пить его с утра до вечера, дорогой...

Генри. Эй, инспектор! Вы видите, что это недоразумение. Снимите же наручники.

Полицейские переглядываются. Инспектор делает шаг к Генри.

Щепотьев. Давайте без нервов. Возьмите адскую машину, инспектор. (Вынимает из кармана такую же бутылку и вручает инспектору.) Грубая работа, господин диверсант, — у вас всегда действует одна и та же бутылка. Это и позволило нам давно уже взять вас на заметку. Иначе мне, может быть, и не удалось бы подменить бутылку.

Долгая пауза.

Генри. Скотина!

Ордаль. Инспектор, выполняйте свои обязанности.

Тим (слабо). Жалею, что мы с тобой больше не увидимся, Генри, я хотел бы услышать твои воспоминания.

Генри (цедит сквозь зубы). Ты хотел бы, чтобы меня повесили?

Тим. Открой мне секрет, дорогой, каким образом ты угадываешь чужие мысли?

Генри (Гилли). Вы ему сильно помогли, слезливое нечтожество. Имейте в виду, что он вам ни гроша за это не даст. (Щепотьеву.) Прощайте, господин большевик. Если бы не эта дрянь, развязка была бы через шесть часов после вашего опирования.

Щепотьев. Развязка определенно будет гораздо скорей, фашист.

Тим (в ужасе рассматривает свои руки). Боже мой! И я пачкал свои чистые руки об эту грязную немецкую мразь!

Щепотьев. Реджи, здесь еще осталась капелька рома. Выпьем, друзья! (Наливает всем.) Выпьем за смелость, за решительность, за победу!

Пьют.

Теперь мне надо уходить. До встречи, друзья, до встречи на полях сражения! (Уходит.)

Пауза. За сценой долгий пароходный гудок. Трио бурно играет. Реджи затягивает песню. Ему подтягивают остальные.

ЗАНАВЕС

СОДЕРЖАНИЕ

Ник. Ушаков — Слава. ГУРК № 908/44-лю	3
Тот, кто любит власть Советов. Слова С. Алымова и А. Шилова. Обработка А. Б. Александрова. ГУРК № 488/44-лю	4
Володимир Сосюра — Полки идут на запад. ГУРК № 489/44-лю	8
Антон Пришелец — Изгнание. ГУРК № 490/44-лю	
Алексей Сурков — Рождение солдата. ГУРК № 494/44-лю	10
Савва Головановский — Командир. ГУРК № 496/44-лю . .	13
И. Уткин — У костра. ГУРК № 498/44-лю	20
Алексей Сурков — Пехотинец. ГУРК № 504/44-лю . . .	22
Мимо леса. Слова М. Лапирова. Музыка Л. Ба- калова. ГУРК № 506/44-лю	23
А. Твардовский — Василий Теркин. От автора. ГУРК № 517/44-лю	27
Алексей Сурков — Побратимы. ГУРК № 511/44-лю . . .	31
В. Каверин — Пояс. ГУРК № 500/44-лю	32
Б. Агапов — После битвы. ГУРК № 502/44-лю	38
Н. Рыленков — Перед боем. ГУРК № 503/44-лю	42
М. Исаковский — Девичья песня. ГУРК № 509/44-лю . .	43
На солнечной поляночке. Слова А. Фатьянова. Музыка Вас. Соловьева-Седого. ГУРК № 508/44-лю	44
Алексей Сурков — Песенка. ГУРК № 513/44-лю	50
М. Исаковский — Под балтийскую пармашку. ГУРК № 504/44-лю	51
А. Резанкин — Под баян (частушки). ГУРК № 152/44-лю	52
Ник. Шпанов, Лев Рубинштейн — Бутылка рома (пьеса). ГУРК № 35/44-лю	54

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Пьеса Н. Шпанова и Л. Рубинштейна
Бутылка рома
на эстонском языке**

NIKOLAI ŠPANOV JA LEV RUBINSTEIN

PUDEL RUMMI

RK

„ILUKIRJANDUS JA KUNST“

TALLINN 1946

T e g e l a s e d :

ŠTŠEPOTJEV — Nõukogude auriku „Uzbekistani“
pootsman.

KARL SCHWALBE — tuntud Henri Kruksi nime
all — laevaseltsi komisjonär.

REDŽI KONOLLI — „Arbaleti“ madrus.

TIM — hulgas.

POLITSEIINSPEKTOR.

ORDELL — ajakirjanik.

MADAM MARION — kohviku „Anna ankur“
perenaine.

TILLI — hüüdnimega „Tantsudekuninganna“.

Madrused, tüdrukud, muusikandid.

*Kohvik „Anna ankur“. Vasakul lett, millel asuvad pude-
lid. Selle taga madam Marion — hall daam väerika väli-
musega, valges põlles — segab kokteeli. Paremal lauad
ning nende taga mõned meremehed. Saali tagapõhjas lava,
millel mängib trio — saksofon, trumm ja viiul. Poolpime-
das nurgas istub ajakirjanik Ordell, tärgeldatud kraega,
külmavereline inimene. Ta imeb läbi õlekõrre kokteeli.*

Rahvaloomingu Keskmaja toimetised.

Vastutav toimetaja A. Saukas.
Keeleline toimetaja M. Arro.

Trükkimisele antud 5. IX 1946. Paber 56:79 cm ¹/₁₆. Trükiarv 800.
Trükitähti trükipoognas 29.920. Trükipoognaid 1,75. Arvufuspoognaid
1,1. MB-04640. Trükikoda „Sakala”, Viljandi, Lossi tänav 26/31.
Tellimise nr. 1748.

На эстонском языке.
Н. Шпанов и Л. Рубинштейн. Бутылка рома.

Примечания.

1. Источник текста пьесы Ник. Шпанова и Льва Рубинштейна «Бутылка рома»: «В наступлении». Сборник стихов и рассказов для художественной самодеятельности и эстрады. М. — Л.: Гос. издательство «Искусство», 1944, 76 стр., тир. 5000 экз., 5 руб. — стр. 54-75. На обложке сборник носит частично другое название: «В наступлении». Эстрадный сборник.

Отчество Л. Рубинштейна в данном издании не указано.

Пьеса была найдена благодаря библиографии Н.Н. Шпанова, помещенной на сайте Fantlab.ru.

2. Пьеса выходила отдельным изданием на эстонском языке: Николай Шпанов и Лев Рубинштейн. Бутылка рома. Таллин: «Художественная литература и искусство», 25 стр., (Центральный дом народного творчества), тир. 800 экз., 4 руб.

(Nikolai Španov ja Lev Rubinstein. Pudel rummi. Tallinn, RK "Ilukirjandus ja Kunst", 1946, 24 [3], 20 cm (Rehvaloomingu Keskmaja toimetised), Trükiarv 800, На эстонском языке. Н. Шпанов и Л. Рубинштейн. Бутылка рома.)

В Приложении приводятся скан обложки (титульный лист идентичен обложке, за исключением фона; у обложки фон серый), 3-ей страницы — первой страницы пьесы и страницы с выходными данными.

Отчество Л. Рубинштейна в данном издании не указано. Авторы перевода с русского языка на эстонский не указаны.

3. В фондах Российского Государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) по данным электронного каталога (rgali.ru) хранится рукопись пьесы:

Шпанов Н., Рубинштейн Л. "Бутылка рома" - одноактная пьеса. Перевод Э. Косман, С. Розенфельд.

Крайние даты: б. д.

Количество листов: 22

Авторы: Шпанов Николай Николаевич, Рубинштейн Лев Ефимович

В описании рукописи не указан язык текста, однако, можно предположить, что этот язык — эстонский, так как указаны переводчики: Э. Косман и С. Розенфельд. Также указано полное имя соавтора пьесы: Лев Ефимович Рубинштейн (1907—1983). По данным электронного каталога РГАЛИ Л.Е. Рубинштейн является соавтором ещё двух пьес:

- 1) В. Крепс, Л. Рубинштейн. "Утренний туман" - драма в 4-х д. 6 к. (1952)
- 2) Н. Курочкин, Л. Рубинштейн. "Ворота мудрости" - драма в 4-х действиях, 7 картинах. (1950)

Л.Е. Рубинштейн является автором следующих книг:

- 1) Рубинштейн Л. Е. "Петроградская сторона". Повесть. Москва, Сов. пис. 1962 (331 стр.), 1967 (352 стр.), 1978 (335 стр.).
- 2) Рубинштейн Л. Е. "На рассвете и на закате". Воспоминания. М.: Сов. писатель 1975, 231 стр.

4. Н.Н. Шпанов является автором или соавтором ряда пьес. Опубликована только одна пьеса — «Бутылка рома». По данным электронного каталога РГАЛИ в его фондах хранятся рукописи следующих пьес:

- 1) Шпанов Н. "Медальон" - пьеса в 3-х действиях, 7 картинах. (1944)
- 2) Шпанов Н. "Офицерская честь". Пьеса в 3 действиях, 7 картинах. (б. д.)
- 3) Шпанов Н. "Пансион "Роза" - комедия в 3-х действиях, (б. д.)
- 4) Шпанов Н. "Слово чести" - пьеса в 3-х действиях, 8 картинах. (1945)
- 5) Шпанов Н. "Тайна профессора Бурого" - пьеса в 3-х действиях. (1945)
- 6) И. Кремлев и Н. Шпанов. "Инженерка" - пьеса в 4-х д., 9 к. (1947)
- 7) Кремлев-Свен И. Л., Шпанов Н. Н. "Инженеры", пьеса. (1947) (возможно, вариант пьесы №6)

8) Михайловский А. П., Шпанов Н. Н. "У себя дома". Драма в 3 действиях. (1940)

9) Прут, И., Шпанов, Н.. "Западная граница", пьеса в 4-х д. 1950-53 (несколько вариантов, 4 рукописи)

10) Прут И., Шпанов Н. "План святой Магдалины" (вариант "Дело №13") — пьеса в 4 действиях. (1949-50, несколько вариантов)

Сканирование, подготовка текста, составление примечаний —

Максим Безгодов, Санкт-Петербург.

10 февраля 2014 г.